

Елена БОЛТОВСКАЯ (г. Могилёв)

«ИБО ЭТОТ ГРАД БОГОСПАСАЕМ»
(О «ПЕТЕРБУРГСКИХ ИНВЕКТИВАХ» КОНСТАНТИНА МИХЕЕВА)

Константин Михеев посвящает городу на Неве цикл стихотворений «Петербургские инвективы». Подобное название указывает на то, что обращение к теме Петербурга автор позиционирует не как возвеличивание, а как высмеивание. Инвектива обнажает деструктивное начало комического, уничтожая отмирающие и более неактуальные культурные константы.

К. Михеев словно оправдывает утверждение В.Н. Топорова о том, что «ни к одному городу в России не было обращено столько проклятий, хулы, обличений, поношений, упреков, обид, сожалений, плачей, разочарований, сколько к Петербургу, и Петербургский текст исключительно богат широчайшим кругом представителей этого «отрицательного» отношения к городу, отнюдь не исключаящего (а часто и предполагающего) преданность и любовь» [1].

Словарь цикла представляет собой соединение нейтральной и стилистически окрашенной лексики. На фоне общеупотребительных слов яркими вкраплениями воспринимаются архаизмы (млеко, перст, окрест, десница, велеречивый, отвечать) и колоколвализмы (орать в значении «издавать громкие крики, вопли» (разг.), глотка (разг., вулг.), слоняться (разг.), взасос (разг.), дурь (разг.) и др.).

Столкновение подчеркнуто книжных и разговорно-просторечных лексем осуществляется в близком контексте, что приводит к стилистической дисгармонии: Бог разрухи и бегства, ты мне / **отверзаешь уста**, погоняя состав, / и **корячишься** в топке, в огне [2, с. 67]; Забытые и безмолвье рокочут **окрест** / из осеннего неба **прорех** [2, с. 67]; Царственно **велеречивы**, / у замшелых запруд / теням бесцветным «чи вы» / белые чайки **орут...** [2, с. 76]; Климат, **вестимо**, неласков./ Ловит роза ветров, / что **прохерачит** Херасков, / что пробубнит Петров, / что прогремит Державин, / немногословен и тверд, / Грохотом мачт и ставен

/ **державно отвечает** норд [2, с. 75]. В последнем примере словоформы *прохерачит Херасков, Державин* и *державно* (устар., употребляется в значении «величественно, царственно») вступают в отношения паронимической аттракции.

Подобным контрастом в употреблении языковых средств К. Михеев показывает изначную сторону Петербурга с целью художественного противопоставления его блистательного поэтического прошлого и безмолвного настоящего, «безвременья», в котором «классический стих – лишь осколок быта» [2, с. 66]. Оборвалась связь времен («мы этому столетию не нужны» [2, с. 84]), и в городе с мощнейшей поэтической традицией стихосложение превратилось в «стиховычитанье» [2, с. 84]. У «свирепого» времени – своя лексика, чаще всего нелитературная: *И никто не увидит, как чертит рука на стене / **озорную кириллицу вешего русского мата.** // Но не дрогнет земля под стопою коринфских колонн, / и аршинные буквы с фасада не в силах стереть я. / Без родства я оставлен и чашей вина обделен / на вселенском похмельи века и тысячелетья* [2, с. 73].

В цикле постоянно звучит тема безродности, неприкаянности, разобщенности поэтических голосов, что, несомненно, тревожит автора: 1) **Выкормыши двуглавых / отлучены от гнезда** [2, с. 75]; 2) Иногда мне казалось, что вправду способен сберечь я / белокрылые смуглые ночи в венце золотом, / но уже наступают **иные века и наречья**, / и свернулся сугроб пожелтым бумажным листом [2, с. 85]; 3) В **безгласом** и прекрасном **увяданье** / нам завершить столетие суждено [2, с. 85]; 4) **Пасынки песни и власти**, / все мы который уж год / ищем прощенья счастья / в строфах державинских од. // С этой мальчишеской жадой / сжил-ся особый шик: / там, где безвременье, каждый – / **фаворит-временщик** [2, с. 86]; 5) Но до скончанья века **голоса / не станут хором, слившись воедино** [2, с. 91].

В «Петербургских инвективах» сквозным является мотив столкновения воды и камня. По мнению Ю.М. Лотмана, «в "петербургской картине" вода и камень меняются местами: вода вечна, она была до камня и победит его, камень же наделен временностью и призрачностью. Вода его разрушает» [3]. Важность данного мотива доказывается тем, что с помощью метафор поэт приписывает другим образам произведения атрибуты главных: *небо струи сонной желчи льет, ночь рухнет наземь грудю булыжной, в излучине столетья вихревой*. 1) *О родина моя, Гиперборея! / Блистательный гранит и черный лед. <...> О родина моя, Гиперборея, / Кромешный лед, сверкающий гранит!* [2, с. 64]. Гранит и лед становятся похожими друг на друга по признаку твердости. В узуальном употреблении прилагательное *кромешный* фразеологически связано с лексемами *ад, мука, тьма, мрак*, а в синонимах *блистательный* и *сверкающий* актуализируется значение «поражающий своей яркостью»; вода и камень «перетекают» друг в друга: *блистательный гранит и черный лед* в первой строфе и *кромешный лед, сверкающий гранит* в заключительной строке стихотворения «Гиперборея». Темный, неподвижный, молчаливый, яркий образ северной Музы вызывает противоречивые чувства, о чем свидетельствует оксюморонное сочетание эпитетов, которое может быть воспринято как переключка с мандельштамовским *блаженное, бессмысленное слово...* из стихотворения «В Петербурге мы сойдемся снова...»: *Блаженное, мучительное иго: / Разменивать минуты на века / и слышать глас трубы Архистратига / в рыдании трамвайного звонка*. Поэт намекает на библейского архангела Михаила. Последнему религиозная традиция приписывает роль судьи на Страшном суде, на который он трубным гласом призывает мертвых из могил. Основная мысль произведения также подается через сопоставление лейтмотивных образов: *Пред Богом все дерзання человека – / слезинка у подножия скалы* [2, с. 64]. Идея, которую они призваны передать, подается в предпоследнем стихотворении цикла «В Риме Четвёртом, несбывшемся»: *Кончилось время камнями смирять бессловесные реки, / время настало слезами размыть*

бессловесные камни [2, с. 94]. Одним и тем же эпитетом, употребленным по отношению к контекстуально антитетичным символам, подчеркивается равнозначность и равновеликость последних. Поэт утверждает, что время активных внешних преобразований прошло, пора примирить стихию и культуру, оплакав их, заполнив прагматичные души духовностью.

Петербург в результате противостояния воды и камня предстает перед нами как преображенное насилием застывшее время: *И варвар предпочел забавам древним / в излучине столетья вихревой / взрезать волну балтийскую форштевнем / и править время сталью штыковой*. Исключительно с помощью описательных оборотов речи именуется Петр I, создатель города (*варвар, голландский мастер, властелин жестокосердый*). Речевая характеристика других государственных деятелей, имеющих отношение к судьбе Петербурга, нелицеприятна: *И заглушали матюги Орлова / визгливый тенор Третьего Петра* [2, с. 90]; *На варварском, едва понятном сленге / Империя общается с Судьбой* [2, с. 81]. В то же время в контекстах, связанных с упоминаниями великого преобразователя русской поэзии А.С. Пушкина, используется лексика высокого слога, а также присутствуют семы 'свет', 'огонь', 'вдохновение': 1) *И вечером заснеженным и синим, / упрятав страсть в глаза живых и острых, / по чистому листу пером гусиным / проводит хрупкий дерзновенный отрок. // Пылай, свеча! О, тишина и буря... / Мне хочется спросить спустя столетья, / какие ветры им трепали кудри / и уносили души их в бессмертье* [2, с. 78]; 2) *Немой свечи танцующее пламя / и ржавый скрежет венценосных крыл / благословляю темными кудрями / того, кто здесь пером миры творил* [2, с. 90]. Подобное изображение утверждает на протяжении всего цикла идею главенства Поэзии, вечной, стоящей вне времени, в отличие от преходящей, творящей зло, утратившей нравственные ориентиры Истории: *И нелюдей творила из людей / история, склоненная понуро, / на черно-белых плитах площадей / перемещая мертвые фигуры* [2, с. 84]. *От славы, лицемерия и страха / на жерновах имперских катастроф / осталась горстка царственного*

праха / и отблески регалий да костров <...> лишь реки все бегут по руслам старым / да пишутся поэмы при свечах [2, с. 90].

Миссия плакальщицы и пророчицы возложена К. Михеевым на А. Ахматову: *Про-рицанье северной Сивиллы / царственный гранит околдовало, / в памяти бывшее убаю-кав, / загодя грядущее оплакав* [2, с. 92]. Именно ей К. Михеев посвящает последнее стихотворение цикла «Надгробье Анны Ахматовой», в котором провозглашается преемственность Слова и вера в высокое предназначение Поэта: *От тебя принимали как дар мы / эту речь и с чухонской земли / в пересылки, бараки, казармы, / в глубину лихолетья несли. <...> Анна! Мы присягали крамолам / майских песен и мартовских рек / и неправильным русским глаголом / выправляли неправедный век* [2, с. 95]. В образе А. Ахматовой подчеркивается противоречивая гармония: *Обрученная с высью и бездной, / обреченная ночи без сна, / ты лежишь, между твердью небесной / и земною разделена* [2, с. 95]; *Богомолка, камешка, гитана...* [4, с. 95]. «Гордый и горестный стих» А. Ахматовой сумел восстановить утраченную связь между прошлым и настоящим временем (*настиг / нас, пронзив поколе-нья и версты*), а также удержать добытое высокой ценой равновесие между бытовой и духовной сферами: *Он умел напрягаться, как мускул, / прорастая сквозь будничные срам / из пропитанных кровью корпускул / к обгаренным любовью мирам* [2, с. 95]. К. Михеев предлагает единственный путь к обновлению и бессмертию, подхватывая ахматовскую идею преодоления смерти через Слово, «а Слово изначально – это Бог»

[2, с. 77]: 1) *Пусть же имя мое повторится в других именах, / пусть же слово мое в этой сини навек растворится!* [2, с. 73]; 2) *Но нам простятся фальши и длинноты. / Всею наперекор, то там, то тут / падет зерно одной запретной ноты / в забвения безмолвный мерзлый грунт* [2, с. 79]; 3) *Фальшивит клавесин, и позолота, / как листья, облетает на ладонь, / но в скорбном лоне финского болота / еще горит божественный огонь* [2, с. 83]; 4) *Только ветер над бездомьем синим / мимолетным трепетным касаньем / наши души нищие врачует / и с эпохой эту венчает, / одарив мучительным все-сильем. / Ибо этот град богоспасаем* [2, с. 92].

Таким образом, выход из мировоззренческого кризиса может быть найден благодаря способности поэтического слова накапливать в себе и сквозь время передавать последующим поколениям потенциал традиции, память о которой должны сохранять современные поэты, желающие спасти от бездуховности «неправедный век».

Список литературы

1. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 259–367.
2. Михеев К. Н. Стихи Мнемозине: избранные стихотворения / К. Н. Михеев. – М.: Новое знание, 2002. – 261 с.
3. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Ученые записки ТГУ. Вып. 664. Семиотика города и городской культуры. – Петербург: Тарту, 1984. – С. 32–44.